

УДК 81.276.6:355

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/6-13>

НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

А. С. Полякова

Воронежский государственный университет

NEOLOGISMS OF THE POLITICAL DISCOURSE AS A MIRROR OF SOCIAL CHANGES

A. S. Polyakova

Voronezh State University

Аннотация: в статье рассматривается влияние социальных изменений, в частности, обусловленных особенностями текущего политического контекста, на развитие английского языка. Предметом исследования являются неологизмы политического дискурса, сформировавшиеся в период с 2020 по 2022 г. Актуальность предмета исследования обусловлена беспрецедентностью политической обстановки, сформировавшей почву для новых реалий действительности и, как следствие, необходимостью их интерпретации. Цель исследования заключается в изучении особенностей современных политических неологизмов и их тесной взаимосвязи с социальными изменениями. В качестве источников исследуемого лексического материала выступили интернет-издания *The Washington Post*, *CNN*, *Las Cruces Sun News*, *Fox Business*, *The Indian Express*, *The New York Times*, *National Review*, *New York Magazine*, *Fox News*, *Le Monde*, *The White House*, а также Корпус современного американского английского языка (COCA). Исследование, проведенное на основе собранного лексического материала, свидетельствует о специфичности политического дискурса и многообразии происходящих внутри него коммуникативных процессов, что в конечном счете отражается на механизмах формирования новых слов. Во-первых, неологизмы политического дискурса могут являться результатом языковой игры, необходимой для достижения целей политической коммуникации, нередко подразумевающих манипуляцию общественным сознанием. Во-вторых, политические неологизмы характеризуются наличием оценочного компонента, влияющего на его коннотацию. В-третьих, неологизмы политической сферы способны указывать на актуальные внешне- и внутриполитические направления, а также служить ориентиром в политическом пространстве. Таким образом, в очередной раз подтверждается мысль о тесной взаимосвязи языка и политики, выступающей в качестве естественной среды обитания человека, любые изменения в которой проявляются в языке.

Ключевые слова: неологизм, политический неологизм, политическая коммуникация, политический дискурс, языковая игра.

Abstract: the article deals with the influence of social changes caused by the contemporary political context on the English language development. The subject of the study comprises neologisms of the political discourse that appeared in 2020–2022. Its relevance is based on the current unprecedented political environment that triggered the appearance of new realities which have to be interpreted. The aim of the article is to identify peculiarities of the contemporary political neologisms and to define its interconnection with social changes. The research materials include online editions of *The Washington Post*, *CNN*, *Las Cruces Sun News*, *Fox Business*, *The Indian Express*, *The New York Times*, *National Review*, *New York Magazine*, *Fox News*, *Le Monde*, *The White House* and *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. The study based on the gathered lexical material reflects the specifics

© Полякова А. С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

of political discourse and the variety of its inner communication processes that affect the mechanisms of new word creation. Firstly, neologisms of political discourse may occur as a result of language game that is a part of commutation strategy sometimes used by politicians as a manipulation tool. Secondly, political neologisms tend to contain an evaluation component which defines its connotation. Thirdly, political neologisms are able to outline relevant political trends and, moreover, serve as a guide in the political space. The results of the study underpin the idea of language and politics interconnection and the ability of language to reflect changes in the political environment considered to be human.

Key words: *neologism, political neologism, political communication, political discourse, language game.*

Введение

На протяжении многих лет изменения, происшедшие в различных сферах человеческой жизни, способствовали не только экономическому, политическому, научно-техническому прогрессу, но и развитию лингвистической составляющей человеческого общества. Возможности языка своевременно реагировать на социальные изменения и моментально их отражать являются его ключевой особенностью и проявлением гибкости, свидетельствующей о тесной взаимосвязи с социумом. Как известно, словарный запас языка не является чем-то созданным однажды, это не косная структура, игнорирующая преобразования и исключаящая расширение, наоборот, все социальные изменения, прогрессивные или регрессивные, фиксируются в языке, отражая самобытность той или иной культуры, а также эволюцию самого общества, что неоднократно отмечалось отечественными и зарубежными лингвистами, среди которых В. И. Карасик, Н. С. Валгина, В. И. Заботкина, И. В. Арнольд, А. П. Миньяр-Белоручева, С. С. Волков, Е. В. Сенько, Э. Маттиелло, П. Ньюмарк и др.

В значительной мере развитию общества способствуют определенные политические процессы, политический курс того или иного государства. Политика пронизывает жизнь каждого из нас, вне зависимости от нашей вовлеченности в политическую деятельность, поскольку человек, по мнению Аристотеля, – «существо политическое», а значит внешние или внутривнутриполитические процессы косвенно затрагивают каждого из нас. В конечном счете, политика является естественной средой обитания человека, любые изменения в которой проявляются в языке.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей современных политических неологизмов в английском языке и их тесной взаимосвязи с социальными изменениями.

Тесная взаимосвязь языка и политики неоднократно отмечалась лингвистами. Так, по мнению С. К. Кубашичевой и Л. Р. Читао, к основным экстралингвистическим факторам расширения словарного состава языка относятся политические и социально-культурные изменения. Э. Косериу отмечал, что речь сама по себе «политически нагружена», а Е. И. Шейгал ссылалась на невозможность существо-

вания политических режимов вне коммуникации [1, с. 64; 2, с. 67; 3, с. 17].

Фундаментальная цель политического дискурса заключается в борьбе за власть и ее удержание, в связи с чем одним из инструментов ее достижения рассматривается язык. Стоит отметить, что в современном мире как никогда прежде осознана власть языка как инструмента манипуляции человеческим сознанием [4, с. 32]. Именно по этой причине роль языка в рамках политического дискурса крайне велика.

В данном случае речь идет не о языке повседневного общения, а о «политическом языке», «языке политики» и «политической коммуникации», понятиях, выделяемых многими лингвистами и, по мнению некоторых, являющихся взаимозаменяемыми. Политический язык в рамках политического дискурса рассматривается с нескольких точек зрения, что указывает на его многоаспектность и необходимость применения дифференцированных подходов к его изучению: В. И. Карасик рассматривает коммуникацию в политике как один из видов «статусно-ориентированного общения», П. Сериио обращает внимание на употребление в речи характерных для политической сферы приемов и языковых форм, А. Н. Баранов считает необходимым отметить использование политического языка как инструмента реализации задач и целей политического дискурса, а именно «выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является субъектом политического действия» [5, с. 8; 6, с. 108; 7, с. 23]. Отсюда следует вывод, что политический язык обладает рядом особенностей, позволяющим дифференцировать его от других разновидностей языка: политическая терминологичность, специфичность устного и письменного речевого оформления, включающая нестандартные речевые приемы [2, с. 67]. Тем не менее Д. Грейбер отмечал, что отличительной особенностью политического языка является не лексическая составляющая, т. е. наличие специального вокабуляра, а определенный социальный контекст, в рамках которого участники коммуникации дискутируют на поли-

тические темы, преследуя определенные политические цели [8, p. 196]. Учитывая условия современного политического контекста, представленные точки зрения о сущности политического языка не исключают, а взаимодополняют друг друга. Именно специфичность речевого оформления в рамках политической коммуникации способствует успешной реализации целей отдельных жанров политического дискурса, таких как политические дебаты, выступления на митинге, предвыборные кампании и т. д., отличающихся высокой степенью театральности, агональности и экспрессивности.

Немаловажно и то, что от эффективности коммуникативной стратегии политика зависит исход принятого им дела. В данном случае представляется возможным сопоставить политический дискурс с бизнес-дискурсом, заключающим в себе полный спектр деловой проблематики и взаимоотношений в сферах производства, торговли, финансов и менеджмента, а как известно, успех любого коммерческого предприятия зависит от качества рекламы его услуг. В этой связи политический дискурс также сопоставим с дискурсом рекламным. Каждый политик в ходе реализации основополагающей цели политического дискурса – получение и удержание власти – буквально рекламирует обществу (основной потребитель) полный спектр возможностей по решению существующих проблем и вопросов (продукт). Стоит отметить, что под рекламой в данном контексте понимаются коммуникативные стратегии и речевые приемы, уместное и своевременное применение которых гарантирует заключение сделки (получение и удержание власти).

Арсенал используемых политиками средств коммуникативного воздействия в условиях современного политического дискурса достаточно широк, а механизм выбора отдельных инструментов в том или ином случае не подчиняется логическому объяснению, а в большей степени зависит от внешних факторов, в том числе геополитических.

Объектом данной статьи являются неологизмы политического дискурса. **Актуальность** предмета исследования обусловлена беспрецедентностью политической обстановки в период с 2020 по 2022 г., сформировавшей почву для новых реалий действительности и, как следствие, новых лексических единиц для их интерпретации.

Материал исследования включает новые лексические образования политического дискурса, появившиеся в английском языке в указанный промежуток времени. В качестве источника лексического материала выступили интернет-издания The Washington Post, CNN, Las Cruces Sun News, Fox Business, The Indian Express, The New York Times, National Review, New York Magazine, Fox News, Le Monde, The White House,

а также Корпус современного американского английского языка (СОСА).

Методы исследования включают семантический и словообразовательный анализ собранного материала с учетом внешних и внутривнутриполитических тенденций, влияющих на его восприятие.

Исследование и результаты

Преобразования в политической сфере постепенно осознаются обществом, что впоследствии формирует предпосылки к их лексическому закреплению и, как результат, расширению словарного запаса языка, ведь, как однажды точно заметил Ф. И. Буслаев, «всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им сознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [9, с. 173].

Словарный запас является наиболее подвижной составляющей языка, обеспечивающей его живость и непрерывающееся развитие. Сопоставив лексический компонент какого-либо «живого» языка, характерный для разных эпох, представляется возможным проследить этапы его постепенного перерождения и отметить соответствие реалиям определенного промежутка времени. Именно соответствие действительности и ее отражение предоставляет языку возможность служить зеркалом социальных изменений. Данный лингвистический процесс естественен, поскольку нерасширение словарного запаса того или иного языка свидетельствует либо о стагнации общества, либо ставит под вопрос само существование данного языка. В свою очередь, его развитие и расширение вокабуляра производится как посредством образования новых лексических единиц, так и за счет заимствования слов из других языков [10, с. 101]. В современной лингвистике лексические единицы, впервые появившиеся в языке, принято относить к новым словам, неологизмам либо окказионализмам. Наличие сразу нескольких терминов для обозначения новых реалий создает проблему терминологического разграничения данных понятий, и если взаимозаменяемость понятий «новое слово» и «неологизм» еще допускается (Э. Матизелло, И. В. Арнольд, В. И. Заботкина), то термины «неологизм» и «окказионализм» принято противопоставлять по целому ряду дифференцированных признаков. Считается, что окказионализмы создаются лишь для определенного случая, с целью решения какой-либо коммуникативной задачи, создания определенного стилистического эффекта, не подразумевающего пополнение словарного запаса языка [11, p. 25]. Логично полагать, что характеристики неологизма прямо противоположны представленным выше, определяющим понятие «окказионализм», и поскольку основное внимание данной статьи сосредоточено на неологизмах и их возможности, если не предназначения, отражать любые из-

менения в обществе, целесообразно уделить более пристальное внимание их характеристикам.

Несмотря на многовековой процесс развития языков и обновления их лексического состава, основная проблема неологии, а именно термина «неологизм», продолжает оставаться нерешенной. Так, Оксфордский словарь определяет неологизм как слово или словосочетание, недавно появившееся в языке [12]. В. И. Заботкина отмечает, что в некоторых случаях появлению неологизма способствуют внутриязыковые процессы, стимулирующие развитие новых ассоциаций и устранение омонимии, в результате чего и появляются новые лексические единицы, каждая из которых обладает качеством неологизма – временной коннотацией новизны [13, с. 6–7]. Е. С. Кубрякова рассматривает неологизмы с точки зрения прагматического подхода, подразумевающего реализацию говорящим основной задачи коммуникации с помощью имеющихся лексических средств и, в случае их отсутствия, создания новых [14]. Позицию Е. С. Кубряковой разделяет Г. Брекле, указывая на создание новых лексических единиц в целях реализации коммуникативного намерения говорящего, а не намеренного пополнения словарного запаса языка [15, р. 68–77]. Стоит отметить, что в данном случае под новыми лексическими единицами могут подразумеваться и окказионализмы, созданные лишь для определенной ситуации. В свою очередь И. В. Арнольд относит к неологизмам новые слова и словосочетания, новые значения уже имеющихся в вокабуляре лексических единиц, а также слова, заимствованные из иностранных языков, вне зависимости от степени их значимости и сферы употребления [16, с. 217].

Рассуждая о неологизмах политической сферы жизнедеятельности человека, необходимо учитывать специфику политического языка и цели политической коммуникации, для достижения которых политики нередко прибегают к манипуляции, одним из средств реализации которой является языковая игра. Манипуляция общественным сознанием, смыслами не представляется возможной без манипуляции словами, и чем ярче, самобытнее используемые лексемы, тем выше шансы политика привлечь внимание аудитории и закрепиться в ее сознании. В подобных случаях политики склонны к созданию неологизмов, отличительной чертой которых является наличие оценки, влияющей на их коннотацию [4, с. 32].

В некоторых случаях неологизм может ассоциироваться с именем политика либо иного значимого лица и заключать в себе оценку его деятельности, как, например, *Macroning*, *Macronete*. Приведенные неологизмы получили широкое распространение в 2022 г. в условиях специальной военной операции России на территории Украины. Автором данных неологиз-

мов выступили украинские СМИ, стремившиеся обличить президента Франции Э. Макрона в недостаточности оказываемой поддержки, а также упрекнуть в частых телефонных переговорах с президентом России В. В. Путиным. Так, в неологизм *Macroning* заложено значение – «часто звонить без повода», *Macronete* – «публично выражать глубокую озабоченность ситуацией и при этом ничего не предпринимать». Примечательно, что созвучность последнего со словом *marionette* также накладывает отпечаток на его восприятие, коннотацию и пробуждает в сознании определенные ассоциативные образы. И это не случайно – политика исключает любые совпадения, в особенности если речь идет о коммуникативных методах воздействия на аудиторию, поскольку «только слова могут вызвать к жизни значения, глубоко хранящиеся в сознании» [4, с. 32].

Принцип ассоциации широко используется при создании политических неологизмов, характеризующих как отдельные события, так и целый внешний или внутренний политический курс государства в определенный отрезок времени, временными рамками которого служит период правления определенного лидера. Так, 2020 г. ознаменовал появление в английском языке ряда неологизмов, характеризующих политический режим Дж. Байдена и сменивших некогда популярные варианты эпохи Д. Трампа: *Bidenisms*, *Bidenomics*, *Bidenworld*, *Bidencare*, *Bidenesque*, *Bidenflation*, *wariornomics* – современные реалии политики США. Стоит отметить, что текущая экономическая ситуация в США может быть описана в трех словах, точнее неологизмах, расположенных именно в такой последовательности – *Bidenomics*, *wariornomics*, *Bidenflation*, и указывающих на то, что текущая политика Дж. Байдена в области экономики, подразумевающая увеличение расходов на содержание армии, способствует беспрецедентному росту инфляции в стране. В этой связи в 2021 г. мексиканская газета *Las Cruces Sun News* сравнила политический курс Дж. Байдена с выступлением иллюзиониста, отметив недостаточное освещение экономической ситуации в США местными информагентствами и отвлеченность граждан от деталей текущей экономической ситуации, позволяющую Байдену, подобно иллюзионисту, открыто совершать необходимые действия.

Примечательно, что такая современная реалия американской экономики, как *Bidenomics*, в совокупности с событиями 24 февраля 2022 г. послужила катализатором деструктивных событий европейского энергетического сектора и способствовала появлению следующих неологизмов: *fossilflation*, *climateflation*, *greenflation*, *heatflation*, – обозначающих резкое подорожание нефти, газа и металлов, частично связанное с санкциями США в отношении России. Наряду с

этим, в западной прессе постепенно набирает популярность выражение *Putin's tax*, переводимое на русский язык как «налог Путина». Популярность данного неологизма обусловлена его довольно частым употреблением президентом США Дж. Байденом при комментировании экономических новостей, в частности, касающихся увеличения роста инфляции: *President Biden said the United States "has never seen anything like **Putin's tax** on both food and gas," after the Labor Department announced Friday that inflation hit a new four-decade high in May.* Под «налогом Путина» на Западе и в Европе подразумевается увеличение цен на продукты и топливо в США и странах ЕС вследствие проводимой Россией спецоперации на Украине.

Решение проблемы, по мнению многих европейских аналитиков, заключается в поиске и активном применении альтернативных источников энергии, символично обозначаемых в Европе, как *freedom energies*. В текущем политическом контексте семантика компонента «*freedom*», в первую очередь, заключается в себе независимость от энергетических источников, импортируемых из России.

Экцентричное поведение действующего президента США и его многочисленные нелепые высказывания способствовали появлению таких лексем в современном английском языке, как *Bidenisms* и *Bidenesque*, первая из которых служит для обозначения собственных афористических выражений Дж. Байдена, вторая – обличает их абсурдность и глупость и используется для обозначения нелепых или курьезных предметов или явлений. Стоит отметить, что данные новообразования обладают скорее негативной коннотацией, что обусловлено характером избираемого Байденом политического курса, даже в рамках собственной страны, и отношением к нему потенциальной аудитории.

Вряд ли формированию достойного политического портрета лидера страны способствует его неподготовленная речь и масса оговорок, допускаемых в ходе брифингов. Нередко оговорки или опечатки политических или государственных деятелей если не становятся неологизмами, то надолго закрепляются в памяти аудитории в качестве окказионализмов, которые впоследствии становятся «мемами». Примерами этого служат «*covfefe*» Д. Трампа и «*shakehanding*» В. Зеленского. Однако оговорки, допускаемые Дж. Байденом, не содержат юмористического компонента и в ряде случаев дискредитируют его как политика. К примеру, 25 мая 2022 г. Дж. Байден в ходе брифинга с его вице-президентом К. Харрис, посвященного подписанию Указа Президента США об усовершенствовании механизмов охраны правопорядка и уголовного судопроизводства с целью повышения доверия

населения и усиления общественной безопасности, допустил ряд оговорок:

*The federal agency that measures and ensures that gun laws are enforced and the Second Amendment is abided by – the Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms, and Explosives, **the AFT [ATF]**.*

*Two sides of the same **soin [coin]**, inextricably linked.*

*Members of Congress, including many here today – like Senator Cory Booker and **Congressman [Congresswoman] Karen Bass**.*

*It strengthens the pattern-and-practice investigations to address **systematic [systemic] misconduct** in some departments.*

*Second, the executive order raises standards, bans chokeholds, restricts no-knock warrants, tightens use-of-force policies to emphasize de-escalation and the duty to intervene to stop another officer from using **executive [excessive] force**.*

*It calls for a **fresh [fresh] approach** to recruit, train, promote, and retain law enforcement that tied to advancing public safety and public trust.*

Ключевая цель мероприятия сформулирована следующим образом – «повышение доверия населения», однако выбранная коммуникативная стратегия, несмотря на подписание соответствующего документа, не окажет ожидаемого воздействия на аудиторию.

Стоит отметить, что в современных условиях допускается создание политических неологизмов по принципу «собачьего свистка». Подобное явление широко известно среди политиков под названием «*dog whistle politics*», обозначающим передачу внешне нейтральных сообщений, смысл которых понятен ограниченной аудитории. Однако в последнее время этот прием применяется и среди обычного населения. Ярким примером подобного неологизма служит внешне нейтральный лозунг «*Let's go Brandon*», появившийся в 2021 г. в ходе интервью гонщика Брэндона Брауна репортером NBC, неверно распознавшим кричалку с трибун – «*F*** Joe Biden*». С тех пор «*Let's go Brandon*» используется в качестве лозунга недовольными президентством Байдена, а также республиканцами.

Несмотря на новизну разворачивающихся событий и концептуальность идей, передаваемых политическими неологизмами, успешная лексикализация новых языковых единиц возможна в случае их образования по наиболее продуктивным моделям ранее образованных политических неологизмов. Об этом свидетельствует переходящий от президента к президенту США закон о здравоохранении: *Obamacare, Trumpcare, Bidencare*; направления проводимой экономической политики: *Reaganomics, Obamanomics, Trumponomics, Bidenomics*; предполагаемые обозначения выхода европейских стран из Европейского союза: *Auxit*,

Brexit, Posexit, Bulexit, Crexit, Laxit, Lixit, Luxit, Italexit, Irexit, Frexit, Nexit.

Кроме того, расширение значения уже имеющихся лексических единиц также свидетельствует о стремлении автора пробудить сознание читателя и вызвать ассоциацию. В данном случае речь идет о неологизмах *rump state* и *Finlandization*, используемых в отношении Украины в контексте последних событий. Подобный парадокс политических неологизмов в свое время описывала А. Миньяр-Белоручева, отмечая, что наиболее удачные варианты политических неологизмов основываются на не менее удачных вариантах уже существующих политических неологизмов и образуются либо из их компонентов, либо путем создания искусственных лексем с использованием классических корневых морфем или аффиксов, либо посредством переосмысления или расширения значения имеющегося слова [4, с. 33].

Однако далеко не все авторы политических неологизмов руководствуются общепринятыми правилами их создания и основываются на принципах успеха существующих неологизмов. Исключение не составила и жена действующего президента США Джилл Байден в ее выступлении 11 июля 2022 г. на ежегодной конференции правозащитной организации UnidosUS – *LatinX IncluXion Luncheon* в Сан-Антонио. Название мероприятия, равно как и речь Джилл Байден, подверглись жесткой критике в сети, в том числе со стороны издания *National Review*, опубликовавшего статью “*Jill Biden’s LatinX IncluXion Luncheon FiaXco*”. Стоит отметить, что содержание данной статьи представляет значимый интерес с лингвистической точки зрения, в частности, с точки зрения изучения современных политических неологизмов. Кроме того, данная статья является ярким примером не только социальных метаморфоз, но и использования принципа аналогии при создании неологизмов журналистами с целью решения коммуникативно-стилистических задач. По мнению Э. Матизелло, принцип аналогии широко используется журналистами для привлечения внимания читателей и создания неповторимого комического эффекта [11, с. 159]. Наряду с этим, исходное слово и образованный по аналогии вариант обладают анафорической/катафорической референцией и помещены в один контекст в целях исключения недопонимания со стороны читателя [11, с. 160]. Стоит отметить, что в контексте упомянутой статьи представлен пример анафорической референции слова-исходника и слов-аналогов. В качестве слова-исходника в данной статье выступает испанская лексема “*LatinX*”, лишенная родоопределяющего окончания – *Latino/Latina*. Данный неологизм использовался Джилл Байден при обращении к испаноговорящей аудитории с целью подчеркнуть наличие более двух полов, что весьма актуаль-

но в рамках проводимой США гендерной политики. Вслед за “*LatinX*” журналистами используются окказионализмы: *FiaXco* – *Fiasco*, *bodegxs* – *bodegas*, *tacxs* – *tacos*, *San Antonix* – *San Antonio*, *mea culpx* – *mea culpa*. Примечательно, что подобный прием позволил журналистам в полной мере реализовать замысел ироничного освещения абсурдной политики Джилл Байден, заменившей знаком X даже согласные – *incluXion*, а также создать графически привлекательный для читателя материал, что подтверждает целесообразность использования подобных приемов в СМИ.

Неологизм *LatinX* – не единственный в области гендерной политики, наряду с ним также используется вариант *womxn* – широко распространенный в феминистической среде для обозначения женщин, трансгендеров и т. д., а также ряд гендерно-нейтральных местоимений: *fae/faer/faers/faerself//per/pers/perself*.

Совершенствование словарного состава языка с целью расширения его возможностей номинации и исключения какой-либо «дискриминации» приводит к замене, а в некоторых случаях подмене понятий, связанных с основами зарождения и продолжения жизни. В частности, речь идет о тенденции к исключению любого упоминания о женщине как матери и обесцениванию данного понятия. В настоящее время предлагается произвести замену следующих слов/словосочетаний: *maternity department* – *perinatal service*, *mother* – *birthing parent*, *breastfeeding* – *chestfeeding*, *breast milk* – *human milk*, *woman* – *woman or person*, *father* – *co-parent/second biological parent*. На первый взгляд может показаться, что рассматривать данные неологизмы целесообразно лишь с позиции феминистического дискурса, однако их присутствие в современном английском языке частично характеризует внутривнутриполитические приоритеты демократов в США. Так, в одном из разделов документа о государственном бюджете США на 2022 г., посвященного снижению уровня смертности среди матерей, была произведена замена существительного «мать» на «родитель» (*birthing person*) – «*The United States has the highest maternal mortality rate among developed nations, with an unacceptably high mortality rate for Black, American Indian/Alaska Native, and other women of color... to help end this high rate of maternal mortality and race-based disparities in outcomes among birthing people*». Примечательно, что данная формулировка администрации Дж. Байдена неоднократно высмеивалась республиканцами и общественными деятелями. Вслед за утверждением госбюджета на 2022 г. лоббист организации Heritage Organization Джессика Андерсон разместила следующий твит: «Бюджет Байдена буквально сотрет слово “мать” и заменит его прогрессивным, но разбавленным тер-

мином «родитель». Почему Байден хочет отменить матерей?», а представитель республиканцев Нэнси Мейс – «Левые настолько толерантные, что лишают женщин того единственного, на что способны только они».

Проводимая гендерная политика напоминает сюжет известной антиутопии, автор которой однажды сказал: «Мысль развращает язык, стало быть, язык тоже способен развратить мысль. Если люди не могут хорошо писать, они не могут хорошо думать. А если они не могут хорошо думать, за них будут думать другие» (Дж. Оруэлл).

Заключение

Текущая обстановка, характеризующаяся стремительными изменениями во внутренней, внешней и социальной политике Европы и США, создает предпосылки к возникновению новых реалий действительности, которые мы не вправе игнорировать. Язык, будучи крайне восприимчивым к подобным изменениям, служит отражением окружающего нас мира со всеми его преимуществами и недостатками, но также, являясь средством сосредоточения власти и воздействия на сознание, способен склонить каждого из нас к тому или иному полюсу. Политические неологизмы как результат взаимодействия языка и окружающей среды позволяют определить вектор развития ситуации, предугадать ее приоритетные направления и, кроме того, способны выступить в качестве ориентира в политическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубашичева С. К., Читаю Л. Р. Продуктивность метафорических номинаций в семантическом пространстве разноразличных языков // Вестник Адыгей. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2017. Вып. 2. С. 64–69.
2. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 67–69.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
4. Миньяр-Белоручева А. П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2012. № 25. С. 32–37.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. трудов. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Баранов А. Н. Политический дискурс : прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
7. Серю П. Русский язык и советский политический дискурс : анализ номинализаций // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 12–53.

8. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills ; London : Sage Publications, 1981. Pp. 195–224.

9. Булаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941. С. 173–174.

10. Гируцкий А. А. Введение в языковедение. Минск : Тетра Системс, 2001. 284 с.

11. Mattiello E. Analogy in Word-formation. De Gruyter Mouton, 2017. 247 p.

12. Oxford English Dictionary. URL: <https://public.oed.com/history/oed-editions/>

13. Заботкина В. И. Слово и смысл : монография. М. : Издательский центр РГГУ, 2012. 420 с.

14. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986. 158 с.

15. Brekle H. E. Reflections on the Conditions for Coining. Use and Understanding of Nominal Compounds // Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics. Inzbruck, 1978. Pp. 68–77.

16. Арнольд И. В. The English Word. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие для студентов. 3-е изд. (на англ. яз.). М., 1986. 296 с.

REFERENCES

1. Kubashicheva S. K., Chitao L. R. *Produktivnost' metaforicheskikh nominatsij v semanticheskom prostranstve raznosistemnykh yazykov* [Efficiency of the metaphorical nomination in semantic space of languages of different systems]. In: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Adyghe State University]. Ser. Filologiya i iskusstvovedenie. Majkop, 2017. Vyp. 2. Pp. 64–69.
2. Kolesnikova S. N. *Osobennosti politicheskogo diskursa i ego interpretatsiya* [Features of the political discourse and its interpretation]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Chelyabinsk State University]. 2011. No. 33 (248). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 60. Pp. 67–69.
3. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the political discourse]: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000. 440 p.
4. Min'yar-Beloručeva A. P. *K probleme sozdaniya politicheskikh neologizmov* [On coining political neologisms]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the South Ural State University]. Ser. Lingvistika. 2012. No. 25. Pp. 32–37.
5. Karasik V. I. *O tipakh diskursa* [On discourse types]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]: sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000. Pp. 5–20.
6. Baranov A. N. *Politicheskij diskurs: proshhanie s ritualom* [Political discourse: ritual elimination]. In: *Chelovek*. 1997. No. 6. Pp. 108–118.
7. Serio P. *Russkij yazyk i sovetkij politicheskij diskurs: analiz nominalizatsij* [Russian language and Soviet political discourse: analysis of nominations]. In: *Kvadratura*

smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa [Quadrat of the meaning: French school of discourse analysis]. M.: Progress, 1999. Pp. 12–53.

8. Graber D. Political Languages. In: *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. Pp. 195–224.

9. Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka* [On teaching native language]. L., 1941. Pp. 173–174.

10. Girutskij A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Minsk: Tetra Systems, 2001. 284 p.

11. Mattiello E. *Analogy in Word-formation*. De Gruyter Mouton, 2017. 247p.

12. Oxford English Dictionary. Available at: <https://public.oed.com/history/oed-editions/>

13. Zabotkina V. I. *Slovo i smysl* [The word and the meaning]. Monografiya. M.: Izdatel'skij tsentr RGGU, 2012. 420 p.

14. Kubryakova E. S. *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [The nominative aspect of speech activity]. M.: Nauka, 1986. 158 p.

15. Brekle N. E. Reflections on the Conditions for Coining. Use and Understanding of Nominal Compounds. In: *Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics*. Inzbruck, 1978. Pp. 68–77.

16. Arnol'd I. V. *The English Word. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka* [Contemporary English lexicology] [Tekst]: *uchebnoe posobie dlya studentov* [student book]. 3-e izdanie (na angl. yaz.). M., 1986. 296 p.

Воронежский государственный университет

Полякова А. С., соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Voronezh State University

Polyakova A. S., Post-graduate Student of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Received: 20 February 2023

Accepted: 27 March 2023

Для цитирования:

Полякова А. С. Неологизмы в политическом дискурсе как зеркало социальных изменений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/6-13>

For citation:

Polyakova A. S. Neologisms of the political discourse as a mirror of social changes. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 2. Pp. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/6-13>